1970, 20 июня

Донатас **БАНИОНИС:**

ДВЕНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ И ТАК ДАЛЕЕ...

— ДИАПАЗОН артиста? — переспрашивает Банионис. — Определить его границы невозможно. Артист может делать все, что он осмыслил, понял. Надо говорить скорее о диапазоне мысли, чем о диапазоне мастерства. И это вовсе не означает, что я проповедую артистическую всеядность: дескать, берись за все, что тебе предлагают. Но если ты понял суть образа, понял, что хочешь доказать людям и зачем взялся за данную роль, тогда никакие рамки амплуа помешать тебе не смогут.

— Вы говорите «амплуа». Но не считаете ли вы, что это понятие устарело? Или его смысл трансформировался применительно к современному актерскому стилю?

— Повторяю: я не признаю законов амплуа. Актер должен отказываться от роли не тогда, когда она — «за пределами его амплуа», а тогда, когда он не понимает своей «сверхзадачи». Или не согласен с идеей, которую несет данный сценический (или экранный) характер.

Чем разнообразнее, многокрасочнее образы, которые мы создаем, тем полезнее и интереснее эта работа для артиста. За десять лет я сыграл двенадцать ролей в кино. Гойя, над которым работаю сейчас (это картина студий ДЕФА и «Ленфильм»), — мой тринадцатый киногерой.

Каждая роль — часть твоей души, твоей жизни, жизни, прожитой без утайки, с полной отдачей. Получилось ли? Это зависит не от границ амплуа, а от глубины проникновения артиста в толщу образа, в его природу, в его истоки, корни. От совпадения (или несовпадения?) актерской мысли с философией изображаемого характера.

Вообще искусство — это чудо. Тут все состоит из переплетений таинств. И я сам не знаю, как рождается чудо искусства, как высекается искра. И почему иногда она гаснет, не засверкав.

— Но все-таки, каким путем идете вы к образу? Ваш метод?

— Прежде всего я стараюсь проникнуть в смысл изображаемого характера, понять логику его поведения. В том числе и «отрицательного» персонажа. Отношение к «отрицательному герою» — тема особых рассуждений. Разоблачать его открыто, глядя, так сказать, со стороны? Или воплотиться в него, жить по его логическим законам, совершая только те поступки, которые он не мог не совершить? Думаю, что «отрицать» надо через «утверждение», то есть изнутри, врастая в психологическую ткань создаваемого образа.

Получив роль, стараюсь узнать побольше о человеке, которого должен изображать, о его эпохе, профессии, о событиях, в которых он участвовал. Сопоставляю, думаю, оцениваю. А потом отбрасываю все свои раздумья, забываю прочитанное, понятое, найденное. И — играю. Даю полную свободу своей интуиции. Тогда-то, наверное, и начинается искусство. А где оно кончается? Этого никто не знает.

— Вайткус («Никто не хотел умирать»), Ладейников («Мертвый сезон»), Мариано («Красная палатка»), герцог Олбенский («Король Лир») и Гойя («Гойя»). И многое, многое еще. В том числе и пастор («Берегись автомобиля!»)... Да, ваш репертуарный список подтверждает мысль о безграничности актерского диапазона. Не так ли?

— И все-таки есть нечто общее, объединяющее мою работу над всеми этими образами. Есть у меня единая актерская тема, которая волнует постоянно. Если я не нахожу ее, не ощущаю, тогда лучше и не браться за работу. Эта тема — Человек. Его ответственность за жизнь. Активное, действенное начало в жизни.

Чем особенно дорог мне мой Вайткус? Своей глубокой трагедийностью. За внешним спокойствием, уравновешенностью, простотой скрывается жестокий внутренний драматизм, борьба противоположностей, острый конфликт, заложенный в самом характере.

— А Ладейников? Как объединяет ваша главная тема Вайткуса — человека, застигнутого историей врасплох, и Ладейникова — отлично подготовленного к сложнейшей политической борьбе, к миссии разведчика-большевика?

— Я вижу прямую связь, если хотите, преемственность этих двух образов. У Ладейникова вполне определившаяся, четкая, сознательная позиция в жизни. Но оба они — люди, наделенные значительными характерами. Только у Вайткуса нравственные, духовные силы к началу фильма еще дремлют, а у Ладейникова действуют напористо и целеустремленно. Вайткус, в сущности, искал своего Ладейникова. Или точнее: задача фильма «Никто не хотел умирать» и состояла именно в том, чтобы разбудить Ладейникова в каждом Вайткусе.

— Становление личности. Это магистральная и благороднейшая тема советского киноискусства. Насколько я понимаю, она не может быть решена в отрыве от становления личности самого актера?

— Да, конечно. Сложность и глубину значительного характера воплотить невозможно, если у тебя самого за душой пустота, если тебе нечего сказать людям, если ты не способен поддержать своего героя или поспорить с ним по самому большому счету. Вот почему современный актер, по моему убеждению, обязательно должен быть философом, мыслителем, интеллектуально развитым человеком. Он должен быть готов к тому, чтобы воссоздать явления во всей их жизненной сложности, многомерности, знать о своем герое чуть больше, чем знает о нем зритель.

Я — за строгость, сдержанность, но за истинность и глубину переживаний. Против размытости, аморфности выразительных средств. Как и против сдачи позиций в искусстве ужасам, иррациональности, патологии, секс-бомбежке. Современный актер призван всеми средствами, которые ему доступны, защитить искусство, защитить человека от подобного распада.

— Ваш Гойя... Расскажите об этой своей работе, о вашем отношении к будущему фильму.

— Я видел на своем веку в подлиннике всего два произведения великого испанского художника. Прочел, правда, кое-что об эпохе, о личности художника, о его искусстве. Для создания биографического фильма всего этого, понятно, было бы крайне недостаточно. Но мы ведь и не пытаемся сказать новое слово о жизни и творчестве Гойи. Мы поставили себе совсем иную цель: не борясь за скрупулезную точность исторических деталей, не стремясь к внешним совпадениям, мы хотим показать, как из придворного портретиста Гойя превратился в мыслителя и правдоборца, пришел к своей единственной правде в искусстве и ради верности этой правде отрешился от всех соблазнов преуспевания. Воплотить крупный, противоречивый и бездонно-глубокий характер Гойи — вот наша задача. Фильм, в основе которого лежит роман Лиона Фейхтвангера, должен утверждать великую ответственность художника перед эпохой, перед народом, перед человечеством.

Отснято уже более половины фильма. Но я до сих пор не знаю — получается ли? Работа интересна и сложна. В ней участвуют операторы В. Бергман, К. Рыжов и такие интересные артисты, как Л. Чурсина, А. Шенгелая, В. Анджапаридзе, М. Козаков, Ф. Дюрен, В. Килинг и другие. Иметь такого партнера, как Эрнст Буш (он играет дона Гаспара Мельгорде Ховельяноса), — уже истинный праздник и ответственнейшее испытание.

Беседу вела Ольга МАКАРОВА.

ПАНЕВЕЖИС.